

Гришина Наталья Владимировна

канд. ист. наук, доцент

Алеврас Наталия Николаевна

д-р ист. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

г. Челябинск, Челябинская область

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ЯКОВЛЕВ И ЕГО ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ДИСПУТЫ

Аннотация: авторами представлена фигура А.И. Яковлева – последнего из учеников В.О. Ключевского. Историк, чья деятельность не избалована вниманием исследователей, рассмотрена в контексте событий, связанных с защитами в 1917 г. магистерской и докторской диссертаций. Внимание сосредоточено на методологических аспектах диссертаций, получивших выражение в речах Яковлева на диссертационных диспутах и вводных разделах его работ, а также на характере критических замечаний в адрес его исследований со стороны официальных и неофициальных оппонентов.

Ключевые слова: диссертация, диссертационный диспут, речь перед диспутом, оппоненты, Ключевский В.О., Платонов С.Ф.

Фигура А.И. Яковлева (1878–1951), научный путь которого традиционно связывают со школой В.О. Ключевского, обрела ныне новое, гораздо более углубленное освещение, благодаря повышенному интересу к творчеству представителей историко-научного сообщества Московского университета. В современной историографии историк позиционируется как представитель школы Ключевского, входивший в ее «ядро», будучи ориентированным на традиционный для школы тренд, нацеленный на изучение социальных феноменов истории [5, с. 112–113].

Одновременно подчеркивается, что, являясь представителем младшего поколения учеников Ключевского, он усвоил не только принципы «второго пози-

тивизма», но и был склонен к использованию отдельных идей неокантианства [9, с. 168–179]. Обе его диссертации оцениваются как фундаментальные труды, инновационные по своему методологическому потенциалу. В силу этого магистерская и докторская диссертации Яковлева стали объектом внимания.

А.И. Яковлев: путь к диссертациям

А.И. Яковлев уже на студенческой скамье выделился своей научной активностью. Будучи ещё студентом «3 семестра» (1 курс), он в декабре 1897 г. представил свою конкурсную работу на соискание серебряной медали по теме, предложенной В.О. Ключевским – «Вопрос о крепостных крестьянах в «Комиссии для сочинения проекта нового уложения» 1767–1768 гг.» [10, оп. 476. Д. 24. Л. 39.].

В личном фонде Яковлева сохранился машинописный вариант его первой студенческой работы с автографом Ключевского [1, оп. 1. Д. 167. Л. 208–278.]. Историк оценил его сочинение на «весьма удовлетворительно», что в те времена означало «отлично». Алексей Иванович окончил университет в 1900 г. с дипломом 1 степени. Именно эти события зачинавшейся научной биографии стали для Яковлева фактическим стартом включения его в ряды учеников В.О. Ключевского. Современники считали, что А.И. Яковлев, из учеников «самый молодой и всего менее определившийся», стоял «ближе всего к Ключевскому» [8, с. 179].

Нельзя обойти вниманием факт студенческой жизни Яковлева, связанный с его участием в студенческих волнениях в феврале 1899 г. Будущий историк попал в список 150-ти «уволенных» студентов, участников протестной акции. Только благодаря ходатайству В.О. Ключевского перед ректором о вторичном его приеме в университет, он завершил обучение. Одним из аргументов защиты Ключевский выставил первые успехи Яковлева на научном поприще: «Он написал прекрасное сочинение по русской истории для соискания медалей, когда еще состоял на первом курсе – редкий случай в истории русских университетов <...> Чем ближе узнавал я его, тем более укреплялся в составленном о нем мнении, возлагая на него самые добрые надежды...» [3, с. 274.].

В сентябре 1900 г. Ключевский уже ходатайствовал перед Советом университета об его «оставлении при университете», правда, тогда пришлось довольствоваться формулой: «без содержания из сумм министерства». Но уже в декабре этого же года последовало вторичное ходатайство профессора о назначении Яковлеву стипендии имени С.Ф. Соловьева [10, д. 27. Л. 43об., 55]. 5 марта 1903 г. его официально закрепляют за кафедрой русской истории, а 19 марта он уже сдает магистерский экзамен по своей специализации. Принимавшие его старшие ученики Ключевского – М.К. Любавский и А.А. Кизеветтер – оценили его ответ на «весьма удовлетворительно» [10, оп. 476, Д. 30. Л. 17об, 21 об.].

Пробные лекции («Причины смутного времени по современным смуте русским сказаниям» и «План государственных преобразований Сперанского 1809 года») он прочел 17 мая 1906 г., получив должностной статус приват-доцента. В таковой должности он и оставался до защиты своих диссертаций в 1917 г. Быстрый карьерный путь Яковлева до статуса приват-доцента в дальнейшем замедлился – диссертации он защитил только через 10 лет (подчеркнем, что отрезок в 10 лет до защиты первой диссертации был типичен в историко-научном сообществе рубежа XIX – XX вв.), правда, обе с перерывом всего 3 месяца. Среди историков меньший перерыв в защите диссертаций, по нашим сведениям, был лишь у В.И. Пичеты, защитившем магистерскую и докторскую диссертации в 1918 г. в течение месяца.

По всей видимости, обратившись в своих исследованиях к засечной черте Московского государства и Приказу сбора ратных людей, Яковлев на протяжении работы над ними испытал некоторое разочарование в избранной проблематике. Об этом факте упомянул С.Б. Веселовский – постоянный корреспондент Яковлева – в письме магистранту Петроградского университета А.И. Заозерскому (от 21 января 1914 г.). Отвечая Заозерскому, сетовавшему на очередное изменение плана своей работы над магистерской диссертацией, Веселовский писал: «Что у Вас на ходу меняется план работы, это ценный знак, но трудное это дело, то есть изменить – бросить то, что оказывается ненужным, и искать

новых материалов. Все-таки этот риск и потеря уже сделанного гораздо лучше того, что делает А.И. [Яковлев. – Н.А., Н.Г.], то есть года два говорит, что его не удовлетворяет тема и материал, и вместе с тем не бросает их» [6, с. 254]. Яковлев неоднократно жаловался своему респонденту, что работа затягивается: «Надо теперь писать, а писать <...> трудно, потому что, кроме «повествования», написать что-либо нелегко, да, признаться сказать, и дух замирает, как только вспомнишь, что за это писание попадешь под обстрел тяжелой артиллерии Арбатского форта, своего рода Гибралтара нашей финансовой истории» (17 июня 1912); «Материал сер, но кое-что он может дать. Но челобитные, коих у меня до 11 сотен, мне надоели до тошноты!» (27 июля 1912) [6, с. 450, 454].

История семнадцатого столетия сблизила Яковлева с признанным знатком данного периода – петербургским профессором С.Ф. Платоновым. Патронаж Платонова над Яковлевым усилился после смерти Ключевского. Касаясь характеристики исследований Яковлева, В.В. Тихонов специально подчеркнул внимание и помощь, оказанные ему со стороны Платонова [9, с. 170–171]. Считается, что именно Платонов предложил Яковлеву разделить формировавшийся текст диссертационного исследования на две самостоятельные части, ставшие основой магистерской и докторской диссертаций [9, с. 168]. Со временем между ними сложились прочные не только научные, но и дружеские отношения. Об этом свидетельствует наличие в личном фонде А.И. Яковлева весьма представительной коллекции писем Платонова – 126 корреспонденций [1, оп. 1. Д. 439]. Нельзя не заметить и факт упоминания Яковлевым в предисловии к магистерской диссертации имени Платонова с подчеркнuto теплым эпитетом «дорогой».

Методологические и источниковедческие основы диссертационных исследований А.И. Яковлева: предисловия диссертаций и речи на диспутах

Обращаясь к диссертационной истории Яковлева, обратим внимание на предмет, задачи, целеполагающие установки, методологические принципы, определенные автором в предисловии к диссертациям и диспутационных речах. В предисловии магистерской диссертации Яковлев оговорил, что изучение за-

сечной линии предшественниками велось фрагментарно и не сформировало целостного представления об этом явлении/процессе: «доселе не было систематического обзора засечной черты и изображения порядков ее охраны и поддержания». Актуализация темы подчеркивалась и в «речи перед диспутом», в которой он отметил, что оборона южных границ Московского государства XVI–XVII вв. была его «едва ли не главным предметом военных забот» [1, оп. 1. Д. 13. Л. 1.]. Но автор ставил задачу не только создания истории формирования и укрепления засечной черты, исходя из военно-политических задач государства. Следуя принципам школы Ключевского, он акцентировал внимание на изучении социальной политики Московского государства. Более того, его привлекала возможность посредством анализа источникового комплекса выйти на уровень понимания психологии и поведения людей того времени. Он утверждал в предисловии: «Сквозь воеводские отписки о ходе сбора посохи и о ходе работ на черте нередко можно было увидеть живых людей с их особенностями». Подобная фразеология (о возможности видеть «живых людей») современным исследователем может восприниматься с критической улыбкой. Но за этой неудачной фразой скрывается акцент, свидетельствующий об усвоении младшим поколением школы Ключевского более сложных представлений о задачах изучения социальных процессов в истории. Они формировались на совокупности философских идей рубежа XIX–XX вв., акцентировавших внимание на актуальности постижения прошлого через понимание особенностей сознания и мировосприятия людей той или иной исторической эпохи. Можно полагать, Яковлеву была близка идея В. Дильтея о необходимости и возможности «вжиться в чужое сознание». Подобный акцент был им продолжен и в докторской диссертации [12]. В предисловии к ней он продолжил прежнюю тему. Исходя из заданной им «обязанности историка», он стремился «увидать живых людей, чувствовавших, думавших и действовавших в изучаемом им учреждении, старался понять самый ход работы в приказной лаборатории, уловить процесс образования ткани их соображений и заключений» [12, с. IV]. В защитной речи на докторском диспуте он подчеркнул, что деятельность изучаемого им Приказа «ин-

тересна как характерный образчик мышления людей той эпохи вообще» [1, оп. 1. Д. 14. Л. 22].

В докторской диссертации он определял свое место в историографии темы, подчеркивая, что идет за А.С. Лаппо-Данилевским, П.Н. Милюковым, С.Б. Веселовским и др. исследователями, в чьих трудах была установлена общая картина финансов в Московском государстве, выявлены особенности его хозяйственного развития в период после смуты. Свою задачу он видел в исследовании преломления государственного начала в область социальных отношений.

Однако, намеченная им линия проникновения в мир «живых людей» XVII века, не получила фактической реализации в самом труде, о чем свидетельствуют представленные им характеристики используемого комплекса источников, чему он уделил особое место в своих диспутационных выступлениях. Подчеркивая специфику работы с ними, он обращал внимание на необходимость их предварительной идентификации с целью последующей обработки для создания общего массива информации. Яковлев признавался, что «перед этим материалом наблюдатель чувствовал себя как перед разорванными кусками большой и сложной картины, понять которую в целом можно было, только подобрав и соединив прихотливо разорванные, разбросанные и перепутанные части ее» [11, с. III]. Тема источника приобрела наиболее выразительные пассажи в его речи на магистерском диспуте. В ней он предложил некое эссе (в стиле литературно-афористического описания) по поводу специфических взаимоотношений, которые складываются между историком и источником. Подобные почти художественные описания свойств источников на защитах диссертаций редко можно встретить, поэтому позволим себе несколько цитат.

«Обычно историк живет в неладах со своим источником: подозревает его в наивности или, ещё хуже в лицемерии, любит смотреть ему в зубы, переспрашивать, устанавливая очные ставки, за спиной одного источника допытываться о [правде] у другого, наконец, взять источник за волосы, а то и подвергнуть еще худшей пытке, заставляя его сказать то, чего у источника на уме не было. Но и источники не очень приветливы к историку – или отмалчиваются о самом

интересном, цедя сквозь зубы незначительные фразы, говоря общими мыслями, а то так и сознательно сбивая историка с толку».

Однако, предложенная общая характеристика коллизии «источник-историк» признается автором не применимой к ситуации в изучении темы защищаемой им диссертации. Комплекс источников, с которым работал диссертант, имел, на его взгляд, иную природу: «Они [источники] наперебой старались досказать не только сами за себя, но и друг за друга: чего не договорит один, то доскажет другой или третий, по пути сообщив иной раз такую справку из области личных настроений и впечатлений, которой и не ждешь и на которую так скупы древнерусские памятники».

Вместе с тем, свою исследовательскую ситуацию Яковлев преподносил как не менее сложную: он имел перед собой некую «панораму» источниковой информации, которую автору надо было правильно дифференцировать классифицировать, систематизировать: «Документы сами шли к нему [автору] в руки, как куски кинематографической ленты, надо было только разобрать, распутать их взаимоотношения и разместить в соответствующем порядке» [1, оп. 1. Д. 13. Л. 3]. Восторженность автора относительно информативной насыщенности источников выдавала в нем все же позицию историка-позитивиста, уверенного в том, что факты источниковой информации «говорят сами за себя».

Диспуты А.И. Яковлева и их оценка историками-современниками

Защита магистерской диссертации Яковлева «Засечная черта Московского государства в XVII веке: Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства» (М., 1916) состоялась накануне событий Февральской революции – 19 февраля 1917 г. Официальными оппонентами на диспуте были М.К. Любавский и Ю.В. Готье, неофициальным – С.Ф. Платонов [7, с. 208–213].

Отмечая редкость присутствия на диспутах даже в роли частных оппонентов представителей иных университетов, заметим, что его приезд в Москву не был случайным. Платонов прибыл в сопровождении своего ученика – П.Г. Васенко. Хотя их приезд был приурочен к совещанию о планируемом на

1918 год международном съезде историков в Петербурге, диспут Яковлева занимал далеко не последнее место в планах этой поездки.

Официальные оппоненты Яковлева признали, что «многое из наблюдений и выводов автора войдет в научный обиход» (Любавский), а благодаря его труду «историческая наука получила ценное приобретение» (Готье). Тем не менее, они сделали немало критических замечаний [7, с. 209, 211]. Несмотря на произнесение своеобразной оды источникам, именно источниковедческие штудии Яковлева оказались подвергнуты критике. Оппонентами отмечалось «весьма доверчивое отношение» автора к источникам, преобладание в работе «сырого без достаточной обработки материала», невыразительность приемов его обобщения (Любавский). Подчеркивалось также отсутствие в работе общего контекста изучаемого исторического «эпизода». В результате исследуемое явление оказалось «не вставленным» «в историю того процесса, звено в котором составляет этот эпизод», а потому вне поля зрения оказались источники, характеризующие этот общий процесс (Готье) [7, с. 209–212].

Не удалось диссертанту, считали оппоненты, выдержать и единую для всех структурных частей диссертации глубину погружения в анализ рассмотренных им фактов и явлений. Подверглась критике и основа концептуальной версии Яковлева, пытавшегося представить действия государственных структур по укреплению Засечной черты как стихийные, не рациональные и противостоящие ходу «народной колонизации». Любавский укоризненно заметил, что его «народнические чувства», ставшие основой таких выводов, противоречили «историческим фактам». Критический взгляд на правительство Михаила Федоровича в деле устройства Засечной черты не получил поддержки у оппонентов. Готье подчеркнул, что «оборона степи» после Смуты отличалась продуманностью и настойчивостью. В этом официальных оппонентов поддержал и Платонов.

Отметим одновременно, что не только опыт Платонова в изучении XVII в. являлся значимым для Яковлева. Объективно дорогу к изучению истории этого столетия, так или иначе, проторили представители старшего поколения учеников Ключевского в лице П.Н. Милюкова, Н.А. Рожкова, Ю.В. Готье. Обращаясь

к изучению своей темы, Яковлев погружался в ситуацию социальной и политической атмосферы жизни Московского государства после Смуты, главной задачей которого являлось укрепление своих рубежей посредством создания оборонительных сооружений, вошедших в историю под названием «Засечной черты».

Платонову, как неофициальному оппоненту, досталась роль своеобразного синтезатора-арбитра, который с учетом мнений обеих сторон полемики подвел ее итоги. Он сосредоточился на характеристике структуры диссертации и характера подачи материала. Будучи мастером изучения событий XVII в. и знатком источников данного времени, он, всегда ценивший высокое искусство стиля изложения, в своем выступлении обратил внимание на «литературный прием, каким написана вся книга». Под этим приемом он имел в виду особую способность Яковлева оригинально толковать смысл, казалось бы, уже изученных источников. Однако неофициальный оппонент вынужден был признать, что «свойственная ему проникновенность» в глубины осмысления источников, не оградила диссертанта от ряда существенных замечаний. Солидаризируясь с официальными оппонентами относительно разнохарактерности структурных частей работы по степени аргументации автором своих суждений, он кратко, но ёмко дал заключение об ее особенностях. Стилистически оно передано было В.И. Пичетой в виде лаконичного пересказа выступления Платонова. Пичета зафиксировал его смысл следующим образом: «<...> в книге нет единства: первая часть написана с большим литературным мастерством, изящно и тонко; вторая часть грубо, но документально; <...>. Что же касается третьей части, то С.Ф. желал бы, чтобы ее совсем не было, так как она бездоказательна» [7, с. 213].

А.Н. Савин и М.М. Богословский в своих дневниковых записях не обошли стороной этот диспут, специально подчеркнув факт и характер выступления неофициального оппонента. Савин обратил внимание на то, что петербургский историк поддержал оппонентов, критиковавших Яковлева за искусственность характеристики изучаемой им «Засечной черты», как явления, связанного исключительно с крепостнической политикой. Он тонко заметил также, что Пла-

тонов, отметив «литературный талант» историка, одновременно критиковал его за «литературную разностильность книги» [8, с. 432].

Богословский, являясь последовательным критиком как магистерской, так и докторской диссертаций Яковлева, в своем дневнике дал описание факультетского заседания, собранного за месяц до диспута, где был заслушан факультетский отзыв, составленный Любавским. Сам Богословский, выступая на нем со своим мнением, критически заметил: «автор говорит не своими словами, а документами» [2, с. 296.]. Такая оценка подчеркивала слабость Яковлева в использовании метода обобщения. Не случайно все указали на недостатки «заключительной части», то есть – Заключение.

В записи впечатлений от диспута он дал и общую характеристику оппонентского выступления Платонова (внутренне соглашаясь с ним) весьма сходно по смыслу с тем, что запротоколировал В.И. Пичета: «...первая часть (вступительная глава) написана блестяще, средняя часть – тягуча, заключительная часть – невозможна, и он (то есть, Платонов) против нее протестует» [2, с. 309].

23 апреля 1917 г. состоялся докторский диспут А.И. Яковлева. Официальными оппонентами на нем стали Ю.В. Готье и С.В. Бахрушин. В качестве неофициального оппонента собирался выступить С.Б. Веселовский, но отказался от своего намерения из-за того, что не успевал подготовиться (С.Б. Веселовский упомянул об этом в письме М.А. Дьяконову (9 апреля 1917) [6, с. 153]. Еще накануне защиты для окружения Яковлева было очевидно, что успех диссертации «обеспечен». Готье был готов поддержать диссертацию, один из главных критиков М.М. Богословский оказался «за бортом и молчит» [6, с. 153]. В.В. Тихонов считает, что молчание Богословского стало следствием университетских интриг: сначала внезапного увольнения, затем обещания избрания профессором. Карьерные переживания отвлекли Богословского от участия в диспуте с критикой диссертации. В дневниковых записях историк критиковал, в первую очередь, избранную тему исследования – о «ничтожнейшем из приказов». Он отдает должное Яковлеву как мастеру слова, который «показал себя хорошим техником, прошедшим солидную школу, но и потратил силы и

время даром». По мнению Богословского, источниковый материал, с которым так филигранно поработал Яковлев, не заслуживал такой тщательной и затратной по времени обработки [2., с. 339–340]. Видимо, Богословского не убедила попытка Яковлева в предисловии диссертации объяснить с археографической точки зрения выбор данной проблематики с акцентом на то, что дальнейшее «сознательное развитие русской исторической науки» о финансовой истории России в XVII в. невозможно без специального изучения комплекса документов приказа сбора ратных людей [12, с. III].

Критика Яковлева на докторском диспуте во многом повторяла замечания, сделанные ему при защите магистерской диссертации. Ю.В. Готье говорил о невнимании Яковлева к военной стороне деятельности приказа. С другой стороны, оппонент отметил источниковедческую культуру соискателя, его собственную манеру работы с источниковым материалом. «Не исследователь господствует над своим материалом, а наоборот материал, нередко пестрый, случайный и нелогический <...> руководит автором и давит на него» (Ю.В. Готье) [4, с. 147].

Имеющийся источниковый комплекс по защитах диссертаций А.И. Яковлева представляет интерес не только для задач изучения особенностей диссертационной культуры, но и для перспектив изучения процессов трансформации схолярной самоидентификации некоторых из учеников Ключевского в поздний период бытования его школы. Продемонстрированную в ходе диспута ситуацию интенсификации межличностных контактов ученых двух университетов в целях организации диссертационных диспутов можно рассматривать как фактор, содействовавший преодолению жестких границ университетских субкультур, непродуктивно и искусственно разделявших российское научное сообщество, не содействуя более интенсивному научному общению ученых.

Список литературы

1. АРАН. – Ф. 665.

2. Богословский М.М. Дневники (1913–1919): из собрания Государственного Исторического музея / отв. ред. С.О. Шмидт. – М.: Время, 2011. – 800 с.
3. Вернадский Г.В. Русская историография. – М.: АГРАФ, 1998. – 448 с.
4. Готье Ю.В. Яковлев А.И. Приказ сбора ратных людей 146-161 / 1637 – 1653 гг. // Исторические известия. – 1917. – №2.
5. Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. – Челябинск: Энциклопедия, 2010. – 287 с.
6. Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. – М.: Древлехранилище, 2001. – 527 с.
7. Пичета В.И. Диспут А.И. Яковлева // Исторические известия: Ист. об-во при Московском университете. – 1917. – №1.
8. Савин А.Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917 гг. / отв. ред. А.К. Гладков. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 523 с.
9. Тихонов В.В. Московская историческая школа в первой половине XX века. Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина. – М.; СПб.: Нестор-История, 2012. – 320 с.
10. ЦГА г. Москвы. ЦХД до 1917 г. – Ф. 418.
11. Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерки по истории обороны южной окраины Московского государства. – М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1916. – 321 с.
12. Яковлев А.И. Приказ сбора ратных людей 146-161 / 1637–1653 гг. – М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1917. – 562 с.